

Постскриптум

После вышеописанных событий прошло несколько лет. Однажды ловил я с друзьями рыбу сеткой-топтухой. К нам подошёл незнакомый мужчина. Постоял, посмотрел молча, как мы промышляем в реке, и ушёл в сторону мельницы. Кто-то из ребят проронил: «Дядька Пахом из Старины...»

Я посмотрел в сторону удаляющегося. Даже не мелькнула в ту минуту мысль, что это был мой спаситель. А жаль... Фотография напомнила мне о моей неблагодарности этому человеку, который даровал мне жизнь. Будучи в одной из последних поездок на малую родину, я спросил у родственницы Марии Григорьевны:

— А кто сегодня жив из семьи Пахома Гавриловича?

В ответ услышал:

— Его дочь Валентина Пахомовна. Она живёт в деревне Глубокий Брод. А почему ты спрашиваешь об этом?

— Хочу с глубоким опозданием отблагодарить доброго человека, моего спасителя. Спроси, пожалуйста, Мария Григорьевна, у дочери его, возможно, она хранит снимок родителей, помещу их в своей очередной работе. В память о его бескорыстной и доброй душе, помогавшей людям, оказавшимся в тяжёлых недугах и болезнях.

И к моей радости снимок вскоре оказался в моих руках. Но об этом человеке расскажу в другой раз.

Юрий Викторович Туйск родился в Ленинграде 28 февраля 1940 года. Окончил в 1962 году ЛГПИ им. Герцена (географический факультет) и две аспирантуры по специальностям: минералогия и гидрогеология. Работал геологом в Заполярье, на Дальнем Востоке, Урале, Тургае (Казахстан) и других регионах. Преподавал в Университете культуры и других учебных заведениях. Автор 5 книг 650 очерков, рассказов, эссе, опубликованных в альманахах, журналах и газетах Ленинграда-Петербурга, Москвы, Таллина. Лауреат московского журнала «Чудеса и приключения», кавалер серебряной медали имени академика Образцова, дипломант мэрии Санкт-Петербурга за авторскую программу «Основы геммологии» — науке о драгоценных камнях. Член Союза писателей с 2005 года.

ВОСПОМИНАНИЯ
О ГОРОДЕ МОЕЙ МОЛОДОСТИ

Очерк

Лет десять назад писатель Владимир Рекшан в одном из своих очерков, напечатанном в журнале «Культура Петербурга», вспомнил Невский проспект и некоторые «злачные» места Ленинграда во времена своей молодости. Соглашаясь с ним во многом, захотелось и самому поговорить о былом.

Владимир Ольдегардович с оттенком ностальгической грусти пишет о посещении им кафе на углу Невского и Владимирского, именуемого в народе «Сайгоном». И мне приходилось не раз там бывать. Однако гораздо памятной для автора оказались не спекулянты, проститутки и фарцовщи-

ки, что постоянно тусовались в том знаменитом кафе, а магазин «Подписных изданий», расположенный совсем неподалёку на Литейном проспекте.

В советские годы хорошие книги не всегда можно было купить из-за их востребованности (несмотря на гигантские тиражи по сравнению с нынешними). Приходилось стоять в очередях, по загодя объявленной подписке, не то, что часами, а сутками! Например, 30-томное академическое издание Ф.М. Достоевского отняло у меня около двух недель не только дневных, но и ночных бдений! Держатели многотысячной очереди (по большей части спекулянты) специально назначали для отметки позднее время суток, дабы отсеять менее стойких подписчиков. На их место ставились свои люди. Чтобы не «пасть костью» и выстоять, приходилось кооперироваться с приятелем, жившем неподалёку на Кузнечном. Там я и ночевал, чтобы не опоздать на перекличку в 2–3 часа ночи!

«Подписка века» на 200-томную Библиотеку Всемирной литературы, как это ни удивительно, отняла меньше времени и нервов, хотя людей, стоявших в 4 ряда (!) от магазина «Подписных изданий» и почти до улицы Жуковского, до сих пор вижу перед глазами. Многочасовое стояние на холоде разгуливало зверский аппетит. Чтобы утолить голод, по очереди ходили в близлежащие кафешки. Сам я предпочитал пирожковую «Минутка», что находилась неподалёку от Дома книги на Невском. Там можно было купить за 11 копеек самые вкусные в городе пирожки с мясом или съесть беляш столь сытный, что вместе со стаканом кофе с молоком могли заменить обед.

Подписки на Фейхтвангера, Хемингуэя и Гёте были, пожалуй, самыми опасными. Спекулянты под угрозой физической расправы над честными подписчиками, ставили во главе каждой сотни очереди своих. Лично мне несколько

раз угрожали избиением, но рядовые граждане действовали сплочённо, не давая в обиду друг друга.

Были и лёгкие подписки. Главным образом на энциклопедии или книги, многократно переиздававшиеся (Пушкин, Гоголь, Куприн и другие).

Новейшие времена девальвировали многие ценности. Книжки стали доступней, но очень дороги. Слава Богу, есть библиотеки, и они худо-бедно пополняются. Однако, какое счастье в любое время дня и ночи взять с полки книгу того же Данте Алигьери «Божественная комедия», с иллюстрациями Доре, поудобней усесться в кресло и углубиться в чтение. Тысячу раз прав был писатель А.И. Белинский, когда в одном из своих выступлений, посвящённых книге, сказал: «Её (книгу) не заменит ни Интернет, ни иное другое техническое средство».

С конца 50-х и до середины 60-х я регулярно посещал Дом учёных им. Горького, тот, что на Дворцовой набережной. Как известно, он находится в бывшем дворце Великого князя Владимира Александровича Романова — дяди последнего русского монарха. В Петербурге это единственный дворец, где почти всё от мебели, картин и всевозможной утвари сохранилось, как при жизни владельца и его жены Марии Павловны.

Завсегдатаем Дома учёных я стал, благодаря отцу моей будущей жены Оксаны. Её папа — профессор Владимир Сергеевич Соколов был учёный — ботаник с мировым именем. Оксане нравилось исполнение автором песен, и она настояла на том, чтобы я занимался в вокальной студии Дома учёных, членом которого был её отец. Меня, в ту пору 19-летнего студента, буквально ошеломили не столько интерьеры дворца и его роскошная обстановка, но та божественная аура, что господствовала в его гостиных и залах. В просторном вестибюле каждый час мелодично били старинные напольные часы ручной заводки. С ними перекликались куранты собо-

ра святых апостолов Петра и Павла в одноимённой крепости на другом берегу Невы. Им вторили, притом очень красивой мелодией перезвона, изящные каминные часы. Уютом и теплом веяло от двух огромных голубых ваз китайского фарфора, находящихся здесь же в вестибюле. Как говорили, других таких не было даже в Зимнем дворце. Парадная лестница белого каррарского мрамора, устланная красным ковром, своим прихотливым изгибом, словно приглашала во внутренние покои Владимирского дворца.

Наши занятия вокалом проходили на втором этаже в комнате Дон-Кихота. Этот небольшой зал с прекрасной акустикой украшала бронзовая скульптура незабвенного идальго с копьем в руке, сидящего на своём верном Россинате. Все наши педагоги, включая и концертмейстера, были из ленинградской Консерватории им. Римского-Корсакова, а один из них, Донатов, даже выступал в оперном театре Ла Скала в Милане. Я брал уроки у Зинаиды Антоновны Лаурен. Она не только «ставила голос», учила правильно дышать, придерживаясь традиций старой итальянской школы, но и была сторонницей оперного искусства. Эстраду она не любила. Репертуар мы подбирали сами и я (по молодости лет), естественно, старался отыскать какие-либо модные для того времени шлягеры. Критически глянув на мой песенный репертуар, Лаурен говорила мне: «Юра! Зачем вы это поёте. Разве вам неизвестно, что почувствовать душу произведения можно лишь через серьёзную музыку. Шаляпин, Собинов, Лемешев никогда не опускались до уровня шансонье. Эстрада, по большому счёту, никогда искусством не считалась. Её такой сделали в наш век на потребу публике». Мне было трудно с ней согласиться, и на концертах я пел немало и старых народных и популярных эстрадных песен. Но именно благодаря её советам шансон понемногу отодвигался на второй план, а его место начи-

нали занимать оперные арии. После занятий пением, а они проходили дважды в неделю, можно было пойти на концерт в Белый зал дворца. Там часто выступали выдающиеся артисты того периода: Борис Штоколов, Ирина Богачёва, режиссёр театра Комедии Николай Акимов, Аркадий Райкин, Эдита Пьеха и многие другие певцы, композиторы, музыканты, чтецы. Сила голоса Штоколова была такой, что дрожали толстые оконные стёкла в Красной гостиной, и его можно было услышать даже на набережной Невы.

Прослушав концерт, многие слушатели направлялись на танцы под оркестр в Дубовый зал. Но танцы танцами, а буфет буфетом. Последний находился в бывшей столовой Велико-го князя на первом этаже дворца. В просторном помещении, отделанном резным дубом коричневых тонов, можно было выпить рюмку, другую самого изысканного вина, притом по самой необременительной цене. Пленяли взор наисвежайшие салаты, бутерброды и закуски, аккуратно расставленные за стеклом холодильника. Ну, а если торжество приходилось на 1-е мая или 7-е ноября, Красная и Голубая гостиные, да и сама столовая князя являлись отличным местом для созерцания праздничного фейерверка.

Спустя десятилетия, уже став литератором, автор пришёл в Дом учёных для того, чтобы договориться с администрацией о встрече членов этого почтенного общественного учреждения с петербургскими писателями. В былые времена это осуществлялось постоянно. Особенно запомнилось выступление в 60-е годы писателя Юрия Слепухина — автора прекрасного романа «У черты заката». Когда он выступал перед членами Дома учёных, люди стояли даже в проходах. После многих лет перерыва, бывший великокняжеский дворец показался мне всё тем же. Лишь в вестибюле на столе лежал белый лист ватмана, на котором было начертано: «Сумки сдавать в гардеробе».

Учёным и посетителям явно не доверяли. Видимо, «на всякий случай» были заперты на ключ и роскошные гостиные — Красная и Голубая с видом на Неву. Увы, из Зимнего сада исчез большой аквариум с «золотыми рыбками». Зато появилась небольшой музей истории Дома учёных. Его организовала И.И. Хмельницкая. Как и в былые времена работали вокальная студия, секция библиофилов, военно-историческая, да и многие другие. Однако попасть в буфет было проблематично. Он оказался закрыт. «Закажите банкет, тогда и «оторветесь» по полной программе», — разъяснил мне один из служащих Дома учёных. Но «оторваться» (в хорошем значении этого слова) мне довелось, к счастью, не в буфете, а на концерте, организованном администрацией Дома учёных совместно с артистами Санкт-Петербургской консерватории. Всего один лишь фортепьянный дуэт лауреатов международных конкурсов Татьяны Беззубенковой и Светланы Конновой позволил забыть все огорчения и невзгоды, насладиться душой, как и в молодые годы. Концерт превосходно вела профессор консерватории Ирина Александровна Шарапова.

Ф.М. Достоевский, как никто другой из писателей знавший Петербург, в одном из своих романов писал: «Есть у меня в Петербурге несколько мест счастливых, то есть таких, где я почему-нибудь бывал когда-нибудь счастлив, и что же — я берегу эти места и не захожу в них как можно дольше, нарочно, чтобы потом, когда буду уж совсем один и несчастлив, зайти, погрузиться и припомнить...» У каждого из нас в душе живёт тот Ленинград — Петербург, который мы помним в счастливые времена нашей жизни.

Игорь Дядченко родился в 1953 г. в городе Ставрополе. В 1978 г. окончил художественно-графический факультет Дагестанского педагогического института им. Г. Цадасы. Выставляется с 1991 г. Участник 58 выставок, в том числе более 20 в Санкт-Петербургском Союзе художников России, 14 областных ежегодных выставок «Санкт-Петербург», 4 московских («Москва-Петербург», «Петербург-Москва» и др.), международных выставок «Диалоги» — 2001, 2003 гг. Автор 3-х персональных выставок в Санкт-Петербурге и Петродворце. Член Союза художников России. В 2003 г. внесён в каталог «Художники Петербурга», выпущенный к 300-летию города. Автор 86 публикаций. Тренер 1-й категории по борьбе самбо и дзю-до. Женат. Проживает в Санкт-Петербурге. Внесён в Единый художественный рейтинг России (Выпуск 7. Номинация 5В — сложившийся профессиональный художник).

Член Союза писателей России.

НА РАСКОПКАХ

Очерк

Он спит последним сном давно...

М. Лермонтов. «Могила бойца»

Вам никогда не приходилось заниматься археологическими изысканиями? Поверьте, это ужасно интересно даже полному дилетанту. Прямо-таки дух захватывает у любых, даже самых вялых и апатичных граждан, стоит им хоть однажды оказаться на месте раскопок.